

## Л. СЕЙФУЛЛИНА\*\*

### Мужицкий сказ о Ленине\*\*\*

Большой, от столиц и крупных городов далекий, уезд. По захваченным верстам он не меньше иного иноземного государства. Были в нем золотые прииски, черноземные земельные угодья, винокуренные и салотопенные заводы, гурты баранов, овец и козы с мягким тонким пухом для прославленных оренбургских платков.

---

\* *Игорь Северянин* (предпочитал написание Игорь-Северянин; наст. имя — Игорь Васильевич Лотарёв; 1887–1941) — русский поэт Серебряного века. Эгофутурист. Организатор и участник поэзоконцертов.

\*\* *Лидия Николаевна Сейфуллина* (1889–1954) — русская советская писательница и педагог, общественный деятель. Член правления Союза писателей СССР (с 1934).

\*\*\* Сказ «записан» в 1923 г. Отрывок из романа «Перегной».

Население его — старожилы-казаки и переселенцы из губерний: Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Харьковской, Екатеринославской, Воронежской, Полтавской, Таврической. С разных краев, с разной повадкой и обычаями. И еще набросаны по речке Сакмаре и глубже в степях деревушки мордовские, башкирские и киргизские зимовки.

Люди разных кровей, с различным бытовым укладом и разной веры: православные, старообрядцы, магометане, субботники, дырники, евангелисты, скопцы, хлыстовствующие и много других сект, затаившихся здесь от правительственной кары.

Крестьяне-богачи с тысячами десятин и безземельные, «квартиранты», не могущие поставить даже собственной избы. И крапинами разрозненными вкраплена в станицах, селах и деревнях мелкая, глушью придушенная, интеллигенция: с десятков врачей, учителя, агрономы и библиотекари.

Газеты и вести о жизни всего государства Российского получались из Оренбурга. Доходили быстро только до станиц на большой дороге с телеграфными столбами, до приисков и до уездного города. Он — деревянный. Этапы существования своего — от одного большого пожара, после которого сызнова надо строиться, до другого. И низкорослый. Высились в нем только колокольни и онемевшая с девятьсот четырнадцатого труба винокуренного завода. Газеты и вести сгасали в его сырьевой глухоте. Деревни и села в глубине уезда отделены были сотней и больше верст от него и от однокольной железной дороги на Оренбург. И к нему и к железнодорожным станциям от этих сел и хуторов вели неверные проселочные дороги через степь, через овраги, горные увалы и перелески.

Каждое село, каждый хутор творили свою отдельную веру, свой обычай. Изживали тяготу своих налогов, совсем не интересовались не только всероссийским, но даже губернским масштабом. О министрах, царе не хранили никаких рассказов, преданий. Солдаты, приносившие их со службы, быстро забывали свои сказы. Сменяли их на близкое, осязаемое: о земских начальниках, станových, урядниках. И мобилизация на русско-германскую войну и февральская революция были негаданны здесь, как камень с неба.

Земство посылало лекторов и агитаторов. Но они не могли объехать всех деревень, хуторов и зимовок в буранные зимы, пашен, покосов и жнивья в крестьянскую рабочую летнюю пору; аулов в период кочевья.

И хоть с тысяча девятьсот четырнадцатого накатаны стали даже недавно проложенные отчаянным человеком сокращенные пути в уездный город — все же вывезенные оттуда имена военачальников и революционных правителей скоро сглыхали в заста-

релой тишине. В волостном нашем селе были мужики, путавшие Керенского с Родзянкой. А бабы и подростки вовсе именами не интересовались.

Но в зиму бурливого тысяча девятьсот восемнадцатого большевистская тревога властно разворошила и низкорослый город, и весь уезд. С этой тревогой пришло имя «Ленин».

Пришло — и прошло не только по большаку с телеграфными столбами, — проникло на хутора и в зимовки. Ни одного из жителей уезда, разных по крови, по достатку, по мыслям не оставило теплохладным.

И о нем, далеком, не только всероссийского, но и мирового масштаба, в этом глухом, разношерстном уезде сложились сказания. В богатых казачьих станицах, в селах, где верховодили многоземельные старообрядцы, у сектантов, сумевших нажиться в общинном землевладении и приобрести под рукой отдельные собственные поля и пашни, эти сказанья пропитаны той высокой степени ненавистью, какую внушает только большой и сильный враг, которая звучит уже, как экстаз уважения. Им мало казалось в сказаньях обвинять его в корыстных расчетах. Они создали легенды о нем по библии, как о существе мистического сверхчеловеческого мира. Я слышала старообрядцев и сектантов, вдохновенно кричавших наизусть целые страницы библии, утверждавшие за Лениным число зверя, число шестьсот шестьдесят шесть, число антихристово.

Сектантский наставник, чернобородый, властный мужик, на сходке в нашем бывшем волостном правлении, кричал об языке подписанных Лениным декретов. Он от имени пророка Исаяи страстно грозил всем, повторяющим сокращенные слова указов: «Не увидишь больше народа с глухой невнятной речью, с языком странным, непонятым!». И эти сокращенные слова называл ленинскими.

Другой сектант, по ремеслу шорник, на митинге уже в самом уездном городе, вздергивая седоватую, бобриком стриженную голову, взмахивал руками и кричал из писания уж в защиту Ленина. О том, что он по писанию поступает, отнимая «жирные пажити богатых»: «Ибо горе им, прибавляющим дом к дому, поле к полю, так что другим не остается места, как будто они одни поселены на земле». Ленин для него был носителем справедливого священного гнева, осуществляющим предсказанное пророком Исаяей.

В старообрядческом поселке Карагай сухощавый, красноватый, наследственный кержак Болдин тоже по писанию, фанатично, как все из этого писания, принял Ленина. Записался в партию, надел винтовку, стал носить наган без кобуры. И на каждом

сходе грозно размахивал им и кричал утверждающие правильность политических деяний Ленина тексты.

Из этих выступлений, из споров о «божественном» и Ленине вместе — создалось много сумбурных, но пафосных рассказов о нем в уезде. Разного настроения, различного к Ленину отношения, но равно горячих. От вдохновенья художественно-ярких. Никто не остался теплохладным. Безземельные «квартиранты», мало-земельные поселенцы, батрачье, беднота русская, мордовская и башкирская создали о Ленине целые былины. В этой статье, спешной и взволнованной, которую пишу в час, когда еще не закрыта Ленина могила, я не могу многого вспомнить. И не о своих мыслях — о нем пишу. Я пишу о глухом уездном, где застревали и сгасали имена. И где вдруг одно большое осталось жить. Осталось и чудесно расцветилось редким и редкостным мужицким вдохновением.

Более точно и ярко я вспоминаю один рассказ. На хуторе, по пути в город, я слышала его. За сто сорок верст, в бурную зиму тысяча девятьсот восемнадцатого, ехал за новостями в город мужик Никита Минушев. И прихватил меня с собой. Обжигающий, холодный ветер и колючая поземка заставили нас еще до сумерек свернуть к ночлегу. В избе у знакомых Минушева, на распатанной деревянной кровати, на деревянных скамьях у стола за позеленевшим самоваром, оказалось много свернувших с дороги путников. Тоже хозяевам знакомцев. Тоже — за новостями в город, не боясь переметенной бураном дороги. До темноты оглядывали друг друга затаенными мужицкими глазами. Обменивались утвержденными, как обычай, при встречах сообщениями о ценах на хлеб, об отсутствии товаров и — очень осторожно — о новых порядках. Но в час, когда от нечистоплотной мужицкой одежды, от дыхания сбившихся в маленькой избе людей начал тускнеть и мигать огонек пятилинейки под потолком, разговорились бабы. И сухощавая серолицая хуторянка, с пеплом седины на выбившихся из-под бабьей повязки волосах, с выцветающими черными глазами, рассказала не спящим сказку про Ленина: «Как Ленин с царем народ поделили».

— Вот приходит один раз к царю Миколашке самый главный его генерал. «Так и так, ваше царское величество, в некотором царстве, в некотором государстве объявился всем наукам обученный дотошный человек. Неизвестного он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И грозит этот самый человек: «На царя Миколая приду, всех царевых солдатов одним словом себе заберу, а генералов всех, начальников, офицеров-благородию и тебя, царь Миколай, в прах сотру и по ветру пущу, — слово такое есть

у меня». Испугался тут Миколашка-царь, ногами вскакнул, руками всплеснул, громким голосом воскричал: «Отпишите скорееича человеку тому, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленину, пусть не ходит с тем словом на меня, не крушит в прах меня, генералов моих, начальников, офицеров-благородию, а за то отдам я человеку тому полцарства моего». Набежали тут к царю люди ученые, скоро-скоро, с задышкою, обточили перья вострые, отписали тому Ленину: «Так и так, не ходи ты, Ленин, на царя Миколаса со словом твоим, а забирай себе полцарства Миколаса без бою, без ругани». И мало ли, много ли, а в скорости прислал ответ письменный тот человек, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И отписывает Ленин царю Миколашке: «Так и так, прописывает, согласен я получить от тебя, царь Миколашка, половину царства твоего. Только отписываю я тебе уговор, как мы делиться с тобой станем. Ни по губерниям, ни по уездам, ни по волостям. А вот как: прописываю я тебе, на какую дележку я с тобой согласен, и чтоб без никаких больше разговоров. Забирай ты себе, царь Миколашка, всю белую кость: генералов, начальников, офицеров-благородию со всеми их отличьями, со всеми чинами, крестами, наградными аполетами, с супругами благородными, с детьми их белокостными. Господинов-помещиков со всем их богатством, с одежей шелковой и бархатной, с посудой серебряной позолоченной, с супругами ихними и с отродием. Забирай себе купцов с товарами ихними, с казною несметною, и из банков пушай заберут всю казну свою. Забирай себе всех заводчиков и с казной, и с машинами, и со всем их заводским богатством. А мне отдавай всю черную кость: мужиков, солдатов, фабричных, с немудрящей ихней шарaborой. Только скот на племя оставь, поля травные да землю-родильницу для пахотьбы». Прочитал письмо Миколашка-царь, заплясал ногами в радости, зашлепал в ладошки в веселости и приказал своим генералам, офицерам и начальникам: «Сей же час отпишите тому Ленину на все полное согласие». И какой же он есть всем наукам обученный, слово тайное знающий, коль от всей казны несметной моей, от товаров купеческих, от припасов помещичьих отказывается, а забирает себе черную кость безо всякого способия! А на тую казну мы себе другую черную кость найдем, из тех нанятых в солдаты заберем, и будем жить опять в спокойе да в богатестве». Набежали тут опять к царю спешно-спешно, с задышкою, многие люди ученые, обточили перья вострые, отписали тому Ленину цареву согласие. А насчет надсмешки и не гукнули, чтоб не одумался, не пошел на них с тайным словом своим. И мало ли, долго ли, а в скорости наезжает тишком-тихонечком тут Ленин к своим солдатам, мужи-

кам и фабричным. А царь с костью белою уж подальше отъехали. Глядят мужики, солдаты, фабричные, а приехал к ним простецкий крестьянский человек и говорит им: «Товарищи, здравствуйте». Куда глаз хватил, всех за ручку подержал и объявил громким голосом: «Буду с вами я в одном положении, как есть мы теперь товарищи. Только вы меня слушайтесь, я всем наукам обученный и своих товарищей на худое не выучу». Солдаты по солдатской своей выучке сейчас: «Точно так, товарищ Ленин, слушаюсь». Фабричные, городской народ, грамотный, со сноровкою тож ему не прекословили. А мужики избиделись, что в расчете просчитал он, зашумели, загалдели, задвигались: «За что, про что опустил из рук казну и богатство несметное? Разделил бы нам, мы бы в хозяйстве поправились». Засмеялся тут Ленин, головой качнул и сказал им в ответ такое слово: «Не галдите, не корите, забирайте землю-скот и хозяйствуйте. А там будет дело видное. Не хватило бы казны той про вас, как есть вас многие тысячи, а белой кости малые сотенки. А насчет того, чтобы всю белую кость совсем со света свести, то слово я знаю, еще неполное. Недокумекал маленечко. Но есть у меня другое, достоверное, на всю черную кость по всей земле. Как скажу его, нигде белая кость не найдет себе ни солдат, ни работничков. Все под мою руку уйдут, а от их откажутся. И как есть они не добытчики, а прожитчики, то им долго на белом свете не выстоять». И мало ли, долго ли, а в скорости, как сказал, и приключилось так. Прискакал верховой к Ленину, привез ему известие от Миколашки-царя. И отписывает в том известии Миколашка-царь: «Так и так, Ленин, надул ты меня. Взял себе всю черную кость, а мне отдал не добытчиков, а прожитчиков. Генералы мои, офицеры-благородия — как кони стоялые без солдатов нашенских. Только пьют, едят да жир нагуливают. Господины-помещики все припасы свои уж поканчивают, одежду из сундуков донашивают, без опаски изорвали всю, позамазали. Проторговались купцы мои, без мужиков некому им товар свой лежалый сбывать. Заводчики мои все машины посбивали, перепортили. Как нету сноровки у них, по-книжному и знают, а к винту не подладят. А чужеземный чернокостный народ на службу к нам не наймается, под твою руку прет, на твое слово тайное. И как дошло нам дело, что хоть ложись да помирай, то идут на тебя войной генералы мои, офицеры-благородия, чтоб отбить нам назад к себе всю черную кость». И с того теперь война пошла промеж белой костью да черною. Только долго белой не выстоять, как привыкли генералы, офицеры-благородие команду на солдата кричать, войска туды-сюды передвигивать, а сами в войне отбиваться непривычные, как есть в их жила тонкая. И недолго им на белом свете выстоять...

Погасла лампа. Храпели мужики. Бормотала спросонок баба. А худощавая стареющая хуторянка, сидя на тулупе своем, на полу, истово, напевно, как молитву, выговаривала смешные и трогательные слова своей сказки. У ней были добавления и отступления, которых я не помню. Не помню точных слов, но характер слов, содержание, ритм речи ее я помню. Как сейчас слышу. Оттого смело воспроизвожу.

Это — первая легенда о человеке с именем Ленин в бедном легендами уезде, где гсасала яркость многих имен. И для меня она — убедительное свидетельство: дана была Ленину вера тугой мужицкой души. Только о том мужик рассказывает сказы, что вошло в его сердце и память в живых образах, чему он поверил. Оттого в печальный час я не боюсь смешных слов простой его сказки. Этими сказками входил Ленин в душу к мужику.

И я жалею, что не могу сейчас восстановить еще один рассказ, башкирина-подводчика. Надо тщательно вспомнить сочетанья его слов, детали содержания и ритм рассказа. А этого сейчас мне не сделать. Он говорил о красном тюре (начальник, господин) Ленине, который башкир от русской жестокости и хитрости защищал. Разноплеменный состав населения часто служил причиной долгих распрей, иногда и кровопролитных схваток в уезде. Равно невежественные были, равно и жестоки. Долгая их тяжба еще не кончена. Окончится только тогда, когда придет знание, а с ним уважение к разноверцу и разнокровцу.

Я во вступлении подробно описала уезд. Для того, чтобы стало понятно: какая яростная, какая жестокая была там схватка из-за утверждения Октября. Некоторые села и поселки по пять, по семь раз переходили от белых к красным. Многие хутора сметены с лица земли. Выжжены, обеднели станицы, затоптаны, не засеяны богатые земли старообрядцев. Умирает полуразрушенный уездный город. Этим летом я была в нем и в селах уезда. В городе площади и редкие тротуары поросли травой. Разрушено не меньше трети домов. Разбиты школы. У города нет средств отремонтировать их. В нем не ожила торговля. Торгует случайным товаром одна кооперативная лавка. От многих башкирских зимовок одно пепелище. Грозная ступня войны четко отпечаталась на том уезде. Нищенствуют учителя. В селах крестьяне позакрывали школы. Кроме войны притоптал уезд еще голод. Такой же, как в Поволжье, и в тот же год. Вот в этом уезде, где столкнулось столько групп и мировоззрений, деревянный глухой мещанский город выдержал двухмесячную казачью осаду. При сдаче города, поддержка населения помогла красноармейцам пробиться на соединение с главными силами армии.

Этот невероятный уезд, приявший всю страсть Октября, сохранил нерушимой веру в Ленина. Легендами она прочно утвердилась в нем, и тяжкие испытания не задушили ее. О Ленине расспрашивали, как о своем кровном родственнике. И подробно, будто каждому, побывавшему в Москве, легко знать ежедневную Ленина жизнь.

— Ну, как он там? Где живет?

— А как он насчет хлебного займу?

— Как Ленин теперь? Слышно, выздоравливает. Пищу ему всякую разрешается или нет? Что он говорит? Насчет деревни что высказывает?

— А семейство его вы видали?

— Вот надо бы Ленину до сведения довести. Этот правильно рассудит.

И простое любопытство могло продиктовать эти вопросы. Простая хитрость научить. Но я годы жила в деревне. Знаю распросы себе на уме. И знаю тон, в котором правдив искренний «родственный» интерес. Этот тон у мужика часто не услышишь. Туго запертая душа — его защитная броня. И он редко впускает в нее большую веру. Редко отмыкает душу. Для Ленина отомкнул. Даже в ненависти богатых крестьян был фанатизм веры в неуступчивость Ленина, в его хозяйственную стяжательность для бедноты. Кряжистая стойкость и хозяйственная сметка в крестьянском ощущении — величайшие добродетели. Мужик награждает ими только того, в кого верит. Один богатый мужик, ругательски ругая коммунистов и местную власть, неожиданно наивно заключил:

— Если бы на каждую волость по Ленину... А то у нас — один... культпросвет. Дак чего же тут?

Этот сбитый из населения разных губерний уезд мне кажется малым отображением всей мужицкой России. Его сказы о Ленине — подлинное свидетельство того, что «толщу бытия» российского прокатило это имя.

Идут о нем и новые рассказы. Старая крестьянка, что недавно в Москве вызвала у целого съезда величайшее душевное волнение простыми словами о том, как не знали в деревне они, «какая есть Москва и какая есть в ней театра», теперь узнала Москву, обсуждала государственные вопросы и передавала Ленину от деревни «последнее целование». Она в деревне по-новому о Ленине расскажет. И по неровным проселочным дорогам и по удобному тракту пойдет не один ее рассказ. И тот, чья жизнь даже в передаче историка будет звучать как легенда, художественно-ярко оживет для потомков в устном предании, где правда переплетается со сказочным вымыслом, и все вместе будет самой убедительной правдой...